290 г. от З.Э.

Тот же вечер. Пламенное поле.

Яркое пламя костра освещало поляну, на которой расположился лагерь Марвина Мага, к которому по итогу бурной беседы присоединились Корбрей и Гарденер. Пространство лагеря было открытым потому места для новоприбывших хватало с избытком. Король и его верный рыцарь расположились чуть подальше от спального места мага, т.к. всё ещё были не до конца уверены в намерениях старого архимейстера. Для более доверчивого отношения к таинственной персоне Мага требовалось время, а также железные нервы.

Кони в лице Камрита и Сердца также притирались к новому знакомцу, но куда быстрее нежели их хозяева. Вообще внешность и раскраска скакунов напоминали о различиях между людьми, присутствующими здесь. Король с неясным прошлым и амбициями, рыцарь, отвергнутый собственной семьёй, вынужденный искать своё место в этом мире, а также престарелый колдун и учёный жаждущий прикоснуться к тайнам недоступным смертному человеку. Удивительно как такие разные личности смогли объединиться общей целью, но данность была фактом.

Чтобы понять ход мыслей нового союзника Эдмунду потребовалось задать всего лишь один вопрос о кличке его скакуна. На него архимейстер отвечал так:

- Имя этой старой клячи? На кой чёрт мне давать его ей, когда я в любой момент отправлю её на мясо или продам в первом же вонючем порту, где её и купил? Быстрее она не побежит, как и не станет таскать больше вещей, чем на ней умещается. Может быть, она неожиданно взлетит? Вряд ли. Так что не задавай мне тупых вопросов, величество, пока я не пожалел, что преклонил перед тобой колено. – в этом был весь Мартин, что искал практическую пользу из вещей рядом с собой, хотя и тянулся к чему-то возвышенному, впрочем, по мнению старика одно другому не мешало. К слову говоря, ездил он на мирийской кобыле, достаточно выносливой для продолжительных путешествий по пустынным просторам Эссоса, потому-то Гарденеру оставалось только гадать сколько потратил Марвин на покупку столь необычной породы лошади для Семи Королевств.

Однако, несмотря на деловой, пусть и резкий, подход, Марвин понимал, что никто ему за красивое личико, чего у него и так не было, доверять не станет, а потому старался расположить к себе Гарденера и Корбрея, как мог и насколько позволял ему его язвительный характер. Охотно отвечал на вопросы, даже на самые, казалось бы, простые и глупые, естественно в процессе не забывая поливать рыцаря Долины и наследника Простора язвительными комментариями, к чему Эдмунд постепенно привыкал, а вот Корбрей тренировался в терпении, периодически выпуская пар чисткой Леди Отчаянья, от чего и так блестящий клинок буквально лучился светом. Не забыл Марвин поделиться своими скромными пожитками, что изрядно оскудели за время, проведенное Магом в ожидании их прибытия.

От дармового ужина ни Корбрей, ни Гарденер отказываться не стали. Конечно, существовала вероятность отравления со стороны архимейстера, явно искусного в подобных вопросах, но если бы Гарденер проявил недоверие, то о каком взаимопонимании меж ними вообще могла

идти речь? Похлебка оказалось на удивление приятной, с необычным запахом трав, но весьма аппетитной. Рыцарь Долины и его король наелись досыта буквально с первой порции, ощутив неестественный подъём сил, но более никаких побочных эффектов. Естественно, в целях безопасности пищу принимал первым Корбрей, проявляя к колдуну куда большую подозрительность и настороженность, нежели Гарденер, который хоть и заочно, но был знаком с характером Мага, а потому был более спокойным в этом вопросе.

Ужин прошёл без эксцессов, что не могло не радовать. Сытые люди более склоны к общению нежели уставшие и голодные. Даже Марвин на некоторое время стал более приятным собеседником, чем ранее. Не забывали путники и о своих компаньонах по верховой езде, ибо из-за редкой растительности Пламенного поля кормить их требовалось самостоятельно. Решением этой проблемы также озаботился Марвин, накормив всю троицу какой-то резко пахнущей смесью, которую парнокопытные съели взахлеб. Камрит обладал животной интуицией, но также не отказался от угощения из рук архимейстера, что не могло не радовать.

Марвин вообще умел находить своё подход к живым существам, даже со своим не самым приветливым характером. Судя по всему, Маг и сам знал о минусах своего характера, потому брал другим: знаниями и опытом, позволяющими ему добиваться своего не словом, а действием. Определенно Гарденеру импонировал подобный подход, заставляя его невольно уважать старика, зная через какие трудности ему пришлось пройти за жизнь. В сериале и так было доходчиво объяснено отношение всех мейстеров Цитадели к магическому искусству, как же обстояли дела в реальности, оставалось только гадать, однако, Марвин не только преодолел закостенелость стариков, но и стал архимейстером буквально переиграв тех на собственном же поле.

Сейчас Марвин кормил птиц – нескольких воронов, неожиданно прилетевших к нему вечером. Архимейстер в процессе не забывал поддерживать беседу, отвечая на интересующие Эдмунда вопросы. Корбрей же пока отошёл ко сну, готовясь сторожить лагерь в ночи, ибо сильно переживал из-за открытости пространства, на котором они находились, объясняя это тем, что если их ждал здесь Марвин, то могли ожидать и другие. В частности, Маг объяснил причину столь странных разводов на губах и зубах, указав на несколько трав, всегда лежащих в кармане его добротной кожаной мантии, что находилась под походным плащом.

- Тебе, твое величество, - говорил Марвин, прикармливая воронов. – должен быть известен кислолист – старая отрава, но незаменимая в том, чтобы избежать действий вина. Всегда под рукой, она обладает свойством немного притупить чувства и не нажраться словно свинья, как любят это делать большинство лордов.

«Что-то вроде курения» - подумалось Гарденеру, внимательно слушающему архимейстера, а после в голове вспылили воспоминания о старом добром Арвине Флоренте, его друге, что также не брезговал подобным занятием, но изредка и при длительном путешествии, когда требовалось чем-то заменить вино, которое быстро кончалось во время пути.

- Полагаю те, кто использует кислолист, хотят добиться разных эффектов. Мой друг из прошлого пользовался им, но только для того, чтобы в последствии упиться до беспамятства. – поделился Эдмунд.

- Каждый использует его кто во что горазд. – кивнул Марвин, сменив угощения на клетки, отправляя питомцев на отдых. – Кто-то, чтобы воздерживаться, а кто-то, как Клиган маковым молоком, чтобы забыть о боли и сомнениях. Ко всякой дряни нужен свой подход, о чём эти остолопы часто забывают.

- Понятно. Ты, помниться мне, говорил о чем-то необычном связанном с септонами. Мне кажется, что сейчас самое время поделиться этим. – сменил Гарденер тему разговора, вмиг ставшую не интересной, ибо курильщиком он никогда не был, да и наркотики не принимал, но выпить любил это да. Порой ему было стыдно за те слова и поступки, что он совершал под действием алкоголя, как на Земле, так и Вестеросе, но благо ничего непоправимого там не было.

- Да, что там рассказывать? – отмахнулся Марвин, опираясь на свой жезл из валирийской стали. Как оказалось, у архимейстера имелся целый комплект валирийских реликвий в виде кольца и маски, но те он старался особо не отсвечивать, учитывая как дорог и желанен был сей металл в Вестеросе. – В ночь твоего появления сами звёзды взбесились, пусть всего и на пару мгновений, но об этом твоё величество и так прекрасно знает. Так что нет ничего удивительного в том, что Семерка привлекла к работе по привлечению к твоей персоне внимания всех дураков в смешных шапках, до которых они только смогли дотянуться.

- Мне казалось они для того и выбрали меня, что им просто не было на кого опереться в Вестеросе. Разве это не так? – поинтересовался Эдмунд, весьма заинтригованный вмешательство своих покровителей, оказавшимся куда как большим, нежели он себе представлял. Хотя, казалось бы, куда уж больше после того, как его буквально подняли из могилы и заставили звёзды прийти в движение?

- Вздор. – категорично заявил Марвин. – Но в то же время правда. У Семерки свои предпочтения о том, каким должен быть их чемпион. Не знаю видел ли ты септонов, но они не очень подходят к выполнению божественных задач. Даже священные тексты и те, выворачивают словно кишки, лишь бы выбить себе побольше денег у простого люда и знати. Естественно, они берут на себя обязанности, но справляются с ними хуже хромой собаки. Вот же, наверное, была потеха, когда эти идиоты узрели видения промышленных масштабов! Говорить с ними Семерка вряд ли бы стала – не их методы, но запудрить мозги дуракам в смешных шапках они могут знатно. – расплылся Марвин в своей бандитской улыбке, похоже действительно представив подобную картину.

- Ты говоришь так, словно действительно знаешь их лично. – отметил Гарденер, не слишком привычный подобному отношению к богам в Вестеросе. Опыт же двадцать первого века, напротив, выражал некую солидарность с мышлением старика и только понимание того, что за ним пристально наблюдают Семеро, не давало ему возможности согласиться с Марвином вслух.

- Ха. Я, конечно, с Семеркой личного знакомства не имел, но мне вполне достаточно описания других народов об андалах и их вере, сохранившихся в Эссосе. Это здесь они безразличные наблюдатели и судьи, а вот во времена Андалоса им приходилось частенько вмешиваться в дела своей паствы, иначе её буквально сожрут соседские божества и народы. Тогда септоны раз в несколько лет получали божественные откровения и наставления. Воинственные ордена

заливали поля своей кровью, отстаивая интересы Воина и Отца. Здесь же, в Вестеросе, они разжирели и пинком под зад согнали с насиженного места Старых богов, также не имевших до того момента достойной конкуренции. После же Семерка закрылась, почивая на лаврах, давая местным возможность самим решать, как им жить. Должно быть случилось, что-то действительно серьёзное, раз они решили снизойти до твоей скромной персоны, величество. – с намеком проговорил Марвин, прищурившись словно от пламени костра, но не уловить намека архимейстера Эдмунд все же не мог.

- Я пока не могу раскрыть тебе истинную причину, Марвин, хотя и знаю её. Даже Корбрей пока не знает всех деталей. – замялся Гарденер.

- И почему же? Вы с этим олухом довольно хорошо спелись. Он видит в тебе надежду на успех в жизни и желает стать частью достойного его убеждений дела. Это смесь для собачьей верности не иначе. – с сомнением отозвался Марвин, почёсывая свою щетину.

- Ого. Это довольно лестная оценка Корбрея с твоей стороны. – улыбнулся Гарденер.

- Олухом он от этого быть не перестанет. – проворчал Марвин. – И всё же глупо отрицать его полезность.

- Лин - верный рыцарь и я отдаю ему за это должное. Что же касается причины по которой я не хочу распространяться о цели своего возрождения, так это отсутствие всех деталей замысла Семерых, что должны мне раскрыться на озере Ликов, куда мы держим путь. От того, что там произойдет, мне и придётся решать, как поступить в дальнейшем. – объяснил Гарденер, говоря часть правды и напуская вместе с этим туман таинственности.

- Хм. – задумчиво протянул Марвин. - Озеро Ликов, значит, да? Странный выбор.

- Сам так считаю. Может поделишься своими размышлениями? – обратился Гарденер к архимейстеру, который, по всей видимости, был бесценным кладезем знаний в вопросе, связанном с божественными сущностями.

- Будь инициаторами твоего возрождения Старые боги, то вопросов это место не вызывало, ибо по легенде именно там Первые люди заключили давний договор с Детьми Леса, обозначив границы владений и правила взаимоотношений двух народов. Андалам же вовремя завоевания была в общей сложности плевать на какие-то договора древопоклонников с неясными сущностями. Они рубили рощи чардрев направо и налево, куда только могли дотянуться. Только в очень древних благородных семьях ещё остались эти растения. В общем, Семерка — это последние божества, от которых я бы ожидал выбора данного места. – объяснил Эдмунду Марвин. Гарденер знал об этом, но без особых подробностей.

- Может ли остров Ликов быть древним источником силы или чего-то подобного? – предположил просторский принц.

- Вполне. Ощущение чего-то чужеродного там стоит весьма приличное. В своих изысканиях я посещал это место, но не нашёл ничего кроме отсталого племени Первых людей с Речных земель, сохранившегося там и выползающего из своего убежища в ночи, чтобы приносить дары своим богам и творить древние, но не слишком практичные ритуалы. Подобное решение Семерки вызывает у меня множество вопросов, но теория твоего величества может быть вполне близка к истине. – поделился Маг своим опытом. Гарденер принял информацию к сведению, пусть он не узнал ответ на свой вопрос, но узнал что-то новое, что может пригодиться в будущем.

- Если ты не знал, мы держим путь к острову Ликов, то что конкретно ты предполагал? – плавно перевёл Гарденер тему после нескольких минут, установившейся тишины.

- Я знал, что наша встреча состоится на Пламенно поле. Причин этому могло быть великое множество, да и были они несущественными на тот момент, был важен только факт встречи. При успешном завершении диалога вы бы и так мне сказали куда собираетесь. Всё прошло ровно так, как я и предполагал. – самодовольно ответил ему Марвин, из-за чего у Гарденера снова возникло желание приложить архимейстера чем-то тяжёлым.

Так или иначе, но продолжать данный разговор Эдмунд не хотел, да и Марвин уже узнал всё, что ему было нужно на данный момент. Так что после непродолжительно молчания Гарденер решил подняться со своего насиженного места и пройтись, ибо ноги его уже порядком затекли от сидения на твёрдой поверхности. Маг даже не стал спрашивать куда направился Гарденер, приготавливаясь ко сну. Скоро было нужно разбудить Лина, иначе рыцарь Долины будет весь дальнейший день корить себя за неисполнение рыцарского долга.

В тишине ночи Гарденер вдыхал прохладный воздух, отойдя от лагеря на несколько десятков шагов, подальше от света костра, что сейчас бил ему в спину. На огромных просторах обожжённого Пламенного поля не было ни малейшего деревца, а только мертвая тишина и редкие небольшие пригорки. В этот день было особенно облачно из-за чего свет ночного неба практически не освещал бескрайние пространства места знаменитый сечи, где навсегда закрыли глаза его родные и близкие. Без источника света ночная тьма обволакивала собой всё куда только мог быть устремлен человеческий глаз.

Не было слышно ни звука птиц, последние представители которых мирно устроились в своих клетках, любезно предоставленных Марвином Магом, ни ржания лошадей, что давно видели десятый сон, Даже треск костра и шелест травы остались где-то далеко позади. Остался только Эдмунд, бесцельно вглядывавшийся в бездну ночи и предававшийся собственным воспоминания об этом месте.

Едва уловимые звуки реального мира сменились в его сознании звуками множества голосов и боевых криков. Совсем рядом раздавался цокот сотен и топот тысяч ног. Вместо ночи перед его глазами был яркий день, где сверкали в лучах предстоящей им славы доспехи. Не было в этой иллюзии разума и пробирающего до костей ночного ветра, а только теплый летний ветерок, треплющий волосы и развивающий многочисленные штандарты его семьи. Казалось, его семье в тот день была предсказана победа, т.к. сама природа словно была на их стороне, ведь сражались они на родной земле и с войском, превосходящим воображение любого жителя Вестероса. О, как же они ошибались.

В ушах зазвучал военный рог. Отец и вся его семья пустилась в бой в авангарде конницы, ведя за собой многочисленные полки пехоты. Враг дрожал под натиском сотен мечей и копий, ещё до начала сражения их ряды оказались в смятении от стройного залпа западных лучников, что привёл на битву король Лорен. Победные крики южных воинов стояли в ушах, всё близилось к безоговорочной победе и славе, восстановлению справедливости и уничтожению армии захватчика Эйгона. Однако, радость и азарт первых побед сменились ужасом подступающей смерти.

Появление Балериона Черного Ужаса на Пламенном поле стало неожиданностью. Хотя, казалось бы, как можно было пропустить появление громадной огнедышащей твари, но, как тогда оказалось, вполне возможно. Просто в один момент огромная тень закрыла собой солнце, а после по всему Простору пронесся громогласный рёв реликтового существа. Испепеляющий жар охватил собой небо и землю, сделав воздух практически удушающим. Победные выкрики сменились ужасом и отчаяньем, копошащихся под исполинскими крыльями людей, впрочем, жар дракона не щадил и союзников Эйгона, но тех было значительно меньше.

Видеть смерть отца, наставника, друзей и верных ему людей было невыносимо больно ещё при жизни, но теперь у Гарденера были воспоминания о том дне и после его смерти. Одно дело хоронить и пережить смерть отца, что практически не сыграло роли на нём в тот момент, ведь требовалось только одно – выжить. Но теперь, вновь вернувшись на это поле замершего ужаса было душераздирающим. Ощущать и вспоминать то, как поток пламени сжёг его самого дотла, а после принялся за остальных родственников казалось адской пыткой, совершенно незаслуженной. Однако, такова была его реальность. Здесь он испытал горе сына, брата и отца, навек сохранив в своей душе страх и ненависть к среброволосой семейке Таргариенов.

Как же лицемерил Эдмунд в тот момент, когда обвинял Баратеона в несправедливом отношении к детям Элии Мартелл. Ведь будь он сам на его месте в тот момент, то смог бы он сдержать ту ярость и боль, что всепожирающим огнём снедали его сердце? Казнил бы Клигана и его сюзерена Тайвина Ланнистера? Не смеялся бы, как Олень, довольный смертью детей и женщины? Хотелось бы сказать нет, но правда была в том, что Гарденер и сам не знал ответ. Люди двадцать первого века могут сколько угодно кричать о варварстве и дикости прошлых лет, подверженных кровной вражде и крестовых походах, но правда в том, что будь они на месте тех людей, то поступили бы точно также, ведь так устроены люди.

Ноги Гарденера подкосились, а затем он бессильно упал на колени изломанной куклой. До этого момента просторский принц держался исключительно на силе воле, присутствии других людей рядом с ним, опасности погони и отрицании очевидного. В этом же месте обличились все его раны, которые просто не могли зажить, встреча с Марвином Магом на некоторое время отдалила приступ крика его души, но ненадолго.

Глаза Эдмунда смотрели сквозь обожжённую землю, а руки бессильно сжимались в кулаки. В приступе ярости он стал, как ненормальный, колотить руками по земле, поднимая грязь и пыль во все стороны, а рот раскрылся в беззвучном крике, ибо не было ни сил, ни желания кричать. Наконец, спустя долгие минуты приступ ярости последнего Гарденера сошёл на нет. В последнем акте бессильной злобы, Эдмунд запрокинул голову вверх, вглядываясь в беспросветное, затянутое тучами, небо. Несколько одиноких слезинок скатилось по его лицу, а после проделав свой путь, под воздействием земного притяжения, упали на опустошённую пламенем землю.

- Как бы я хотел всё исправить. Как бы хотел сказать вам, что мне жаль. – опустошённо произнёс он в пустоту. Даже спустя продолжительное время эмоции Гарденера не притупились. Ему хотелось просто лечь на землю и забыться здесь вечным сном, но теперь он знал, что это не поможет ему встретиться со своими родными и близкими.

Все его знакомые, топтавшие это поле своими ногами, уже давно живут своей новой жизнью, неспособные вспомнить о прошлом. Пребывая в блаженном неведении, они ограждены и никогда не вспомнят, ни его, ни ту боль, что им пришлось испытать. Эдмунд сам был недавно таким, проживая бесцельную жизнь Луи МакМёрфи, пока местные боги, которым долгое время не было до него дела, не захотели использовать его для спасения мира. С одной стороны, он был даже в некотором роде рад пройтись по родным полям Простора босыми ногами, но ощущения одиночества и бессилия перекрывали собой все плюсы от этого. Ностальгическая пелена сказочной жизни полной приключений сходила на нет, оставляя после себе только незаживающие раны. Впереди была только борьба и ради чего? Мира, который Эдмунд забыл и который забыл о нём. Обмен можно сказать неравноценный и это, если без мата.

- Как сказали бы мои братья и сестры – жалкое зрелище. – послышался будто бы отовсюду шипящий голос, пронзающий слух, но такой знакомый.

- Скажи, что в супе был яд и мы закончим на этом, будь так добр. – отозвался Гарденер, испытывая успокаивающее влияние ауры бога мертвых.

В ночном мраке перед глазами Эдмунда предстал никто иной, как Неведомый. Точнее то, что говорило его голосом. Некая неясная фигура, размазанная всепоглощающей чернью в ночи, медленно расползающаяся по всему виденному Гарденером пространству. Если раньше ему казалось, что в темноте было невозможно что-либо разглядеть, то присутствие самого таинственного из ликов Семерых полностью ломало данную картину мира.

Ранее Гарденер общался с проводником мёртвых душ исключительно мысленно, не имея возможности разглядеть или хотя бы представить внешность бога, но теперь всё было совсем иначе. Словно библейский жнец, тот выглядел, как тонкая массивная фигура в рясе, состоящей исключительно из теней различных форм и размеров, покрывающих собой всё до чего могли дотянуться. Эту форму нельзя было даже назвать гуманоидной, ибо разум Эдмунда хоть как-то пытался поставить на место бесформенного божества знакомые образы, не в силах осмыслить и понять его истинную природу.

- Не стоит так спешить на тот свет. Ведь мы оба знаем, что ничего хорошего из этого не выйдет. – было сложно даже понять откуда исходит шипящий шёпот, который как будто множился, раздаваясь сразу отовсюду.

- Сильно сомневаюсь. Мне прекрасно жилось, как Луи, пока вы, Семеро, не решились поиграть с моей душой. – ответил богу Гарденер, чья злость была всё ещё слышна в его голосе, даже через призму силы владыки загробного мира.

- Игра? Ты думаешь, что это всё здесь игра, Эдмунд? Ты наслушался бахвалистых речей

смертного существа, которому уготована участь куда страшнее твоей. И поверь, смерть явиться за ним гораздо раньше нежели за тобой. – не меняя своей интонации, монотонно ответил ему Неведомый.

- Хочешь сказать, что Марвин врёт мне? – без особого интереса спросил Гарденер.

- Нет. В этом вопросе сей смертный предельно близок к тому, о чём говорит. – внёс немного ясности Неведомый.

- И ты так просто говоришь мне об этом? – удивился Гарденер, вспоминая малейшие слова Мага о Семерых.

- Ты забываешься, Эдмунд. Перед кем мне оправдываться? Перед тобой? Или же сонмом мёртвых душ заключенных в пекле или раскинутых по мирозданию? Век смертных столь скоротечен, что это вызывает даже умиление, а уж это их потрясание кулаками и обличительными речами поистине забавно. – протянул лик верховного божества, казалось бы, смакуя каждое слово.

- Вот вы и перестали играть в заботливых покровителей. – с горечью произнёс Эдмунд, окончательно разбивая призму второго шанса, через которую он смотрел на Семерых. – С меня довольно. Можешь делать со мной всё, что захочешь. Оно того не стоит.

- Не кажется ли тебе, что ты эгоистичен? Кто спасёт этот мир от Долгой Ночи, как не ты, избранник и чемпион? А что будет с доблестным Корбреем и тем стариком Лионелем, что поверили в тебя? – давило божество на больные точки Эдмунда.

- Лионеля жаль, мне печально от того, что я не смог оправдать его надежд. Корбрей умный человек, он поймет и справиться с моим уходом. Вы же найдете кого-нибудь посговорчивее и ненагруженного эмоциями прошлого. Вам ведь не привыкать, верно? Вряд ли, конечно, кто-то из чемпионов вот так вот отказывался от своей миссии и ваших даров. Что же, я буду первым. – категорично ответил на воззвания Неведомого Эдмунд.

- Ты поступаешь так необдуманно, зная буквально крупицу того, что когда-то было и будет. Вот почему я предпочитаю иметь дело с теми, кто оставляет всё мирское позади. Ты говоришь, что будешь первым кто отказал замыслам моих братьев и сестер, но даже не берешь в расчёт то, что это может быть совсем не так. – словно осуждающе покачало головой, сплетенная из теней фигура.

- О чем ты? Разве были те, кто отказал вам? И что стало с ними потом? – как-то обескураженно отозвался Гарденер.

- Их участи позавидовали мертвые, смертный. Твой статус не для вида или твоего чувства собственной важности. Это контракт. Меж нами и тобой. Дары, от которых ты так легко хочешь отказаться под влиянием момента, в обмен на то, что ты станешь направляющей рукой

мирской паствы на земле. Вполне равноценно, если хоть немного подумать. Жизнь, шанс, слава. Разве всё это не то, чего так отчаянно жаждут люди? – терпеливо объяснял Неведомый, словно неразумному ребенку.

- Может быть и так. – не нашёл что сказать Эдмунд, понимая некую правоту за словами божества. – Говоришь вроде всё складно, но верить совсем не хочется.

- Верить тебе моим словам или нет мне совершенно всё равно, я здесь совсем по иной причине. – отмахнулся лик верховного божества от его сравнения.

- Тогда, что ты вообще тут делаешь? Разве не за тем, чтобы наставить меня на путь истинный? Не спорю, опровергнуть твои слова я не могу, но всё ещё твёрд в намерении прекратить всё это здесь и сейчас. – упрямо утверждал Гарденер.

- Меня совершенно не волнует твое эмоциональное состояние. Пришёл я сюда только потому, что ты находишься в моих владениях. Так отчаянно ты желал здесь смерти, что я просто не мог не отозваться своему чемпиону, что также является большой привилегией, цени её. – произнёс Неведомый, неожиданно растекаясь и собираясь вновь, но уже за его плечом.

- Премного благодарен, хоть и не могу понять какой в этом толк. Убивать меня ты явно не собираешься. – даже не вздрогнул Эдмунд, поворачивая голову в никуда, коим являлось тело божества.

- Почему бы и нет? – развеял уверенность Гарденера по ветру хозяин загробной жизни. – Смерть тоже величайший из даров, о чём смертные с периодичностью забывают. Она дарит покой и забвение, чего ты так отчаянно захотел, придя сюда. Но, - сделало паузу божество, из-за чего более отчётливо стали слышны посторонние голоса, исходившие из глубин аморфной субстанции, которая представляла собой тело божественного лика. – как я уже говорил, контракт, который был меж нами заключён, не подарит тебе ни первого, ни второго, а только вечный лимб, что станет твоим вечным пристанищем. Тебе предстоит пережить не только боль жизни последнего Гарденера, но и всю боль предшествующих жизней. Это место хуже ада, где ведут своё вечное скитание подобные тебе существа, от богов и до низменных существ.

- Звучит зловеще. – сглотнул Гарденер, ставшую сильно вязкой слюну.

- Ты и представить себе не можешь насколько. – вновь оказался Неведомый на почтительном отдалении от него, если так вообще можно было сказать, учитывая то, что божественный лик был везде и нигде одновременно.

- И что теперь? У меня вообще нет никакого выбора кроме страдать от решения, принятого вами? А теперь, после моей попытки уйти, последует показательное предупреждение или что-то в этом роде? – поинтересовался Гарденер, уже и не надеясь на что-то.

- Разве я говорил о чём-то подобном? Вам смертным порой кажется, что нет иного выхода кроме смерти, но как бы я к этому не относился, жизнь тоже неплохой выбор. Видишь ли ты здесь кого-то из моих братьев и сестер, кроме меня? – показательно заполнил собой бог всё видимое пространство, от чего Эдмунду стало казаться, что он вновь оказался в пустоте, но это было не так.

- Нет. – покачал головой Гарденер, немного нервничая.

- Именно. Это место – моя вотчина и только мне решать увидят ли мои братья и сестры то, что здесь происходит. Будь это не так, простой мирной беседой дело бы не обошлось. Отец и Воин возлагают на тебя большие надежды и им будет очень не по нраву, если они увидят и услышат то, что ты думаешь. – опроверг Неведомы опасения Гарденера.

- Мне сказать тебе спасибо за это? – вопросительно изогнул бровь Эдмунд. – Но ведь ты неспроста говоришь мне об этом. И непросто так откликнулся на моё желание о смерти. У тебя есть свои интересы.

- Верно. – впервые за долгое время Гарденер почувствовал удовлетворение и одобрение в голосе божества. – Я единственный из Семерых кто способен иметь собственную позицию по некоторым вопросам. Мой статус был определён ещё на заре существования смертного рода и полностью меня устраивает. Однако, порой мне тоже требуется некоторое воздействие на смертные планы, чтобы привести дела в порядок.

- Не понимаю зачем тебе нужна моя помощь. Насколько мне известно у тебя есть свой карманный орден убийц, имеющий как влияние, так и возможности для исполнения всех твоих планов. – недоумение, распространившееся по лицу Гарденера, можно было увидеть невооруженным глазом.

- Они полезны и отлично выполняют возложенную на них задачу, но тут нужно воздействие иного рода. Мне не нужна твоя помощь, смертный, но я могу предложить тебе сделку. Ты – мне, я – тебе. Вы же любите подобное, не так ли? Никаких подводных камней. Кристально-чистая сделка. И никаких подозрений со стороны остальных ликов, ведь именно ты воззвал ко мне, а я решил в своей милости ответить на твой зов. – объяснил Неведомый

- Звучит не очень заманчиво, уж прости. – недоверчиво прокомментировал Гарденер слова божества.

- Ты можешь отказаться, продолжая и дальше снедать себя грузом вины и одиночества. Я же предлагаю тебе нечто большое, чем то, что ты мог бы получить от моих братьев и сестер при жизни. – не уступал Неведомый, плавно подталкивая Эдмунда к тому, чтобы согласиться.

- И что же это? – решился всё-таки спросить Гарденер.

- Прощание. Я предлагаю тебе проститься со всеми, кто был тебе дорог и погибшими в этом

месте. В обмен же, когда придёт время, ты сделаешь ровно то, что я попрошу у тебя в назначенный день. Ни больше ни меньше. – озвучил владыка загробного мира свои условия, вызывая у Гарденера бурю эмоций. Похоже Неведомый снизил воздействие своей ауры на просторского принца для большего эффекта, едва заметно, но всё же.

- Как это возможно? Разве они, как и я, не проживают свою новою жизнь в других мирах, неспособные вернуться назад из-за вашего пакта с валирискими богами? – пытался Гарденер найти подвох в словах Неведомого, разоблачив его обман.

- Ты хорошо слушал. Это похвально. – отозвался лик верховного божества. – Однако, есть небольшая лазейка. В момент смерти, особенно в месте её скопления, душа растворяется, уносясь в иные планы бытия, но воля, остаток, этой самой души остаётся в последнем месте своего пребывания, запечатленная миром словно воспоминание на картине. Я же, как проводник душ, способен воззвать к этим воспоминаниям.

- Это будут не они. – покачал головой Гарденер, пребывая в сомнениях.

- Нет, не они, но тебе ведь этого и не нужно. Тебе нужно облегчение, которое никто не сможет тебе дать кроме самого себя, а получить его ты можешь только так, иначе тяжесть от груза эмоций сожрет тебя без остатка, превращая в безвольного раба собственных комплексов и ошибок. – заглядывал Неведомый в потаённые уголки души Эдмунда, склоняя чашу весов на свою сторону.

- Что взамен? Что конкретно я должен буду для тебя сделать? – ухватился просторский принц за последнюю возможную соломинку собственной совести и здравомыслия.

- Так ли это важно? – спросил неведомый всё также монотонно, но Эдмунд был почему-то уверен, что слышал в голосе божества усталость.

- Для меня? Да. – твёрдо заявил Гарденер, смотря прямо в непроглядную бездну коим было божество.

- Смертные. – хозяин загробного мира буквально одним словом описал, что думает о нём и обо всех людях в целом. – Если я скажу, что для этого не потребуется отнимать чью-то жизнь, разрушить что-либо или нанести чему-либо вред, хватит ли тебе этого? Либо так, либо сделки не будет, а я просто вернусь в свой план реальности и забуду, что данный разговор имел место, а ты продолжишь свой путь самоуничижения и самоуничтожения. – описал Неведомый дальнейшие перспективы.

- Душа? – сделал Гарденер последнее уточнение, словно бы перед прыжком в бездну.

- Всецело твоя. Да и к чему мне она, когда ты и так отчасти уже мой? – ответил Неведомый, протягивая к нему несколько жгутов теней, лишь отдалённо напоминавших собой конечность.

- Сделка. – согласился Гарденер, после чего также протянул руку, касаясь самой тьмы.

- Сделка. – удовлетворённо послышалось ему со всех сторон, а руку обожгло неестественным холодом.

После того, как формальности божественной сделки были соблюдены, а подобие рукопожатия было закончено, из глубин неестественных форм божества стал вырываться свет, освящая ночную мглу и ослепляя своим светом глаза Гарденера. Когда наследнику Дубового трона удалось проморгаться, перед ним предстало всё то же Пламенное поле, правда теперь, вместо непроглядной ночи, пространство было озарено ярким звёздным светом. На небе не было ни облачка.

Однако, основное внимание Гарденера привлекла совсем не эта игра красок, а свет от лампы, что покачивалась прямо перед его лицом. Напоминала эта лампа собой мрачное произведение искусства, украшенное со всех углов матового черного стекла, из которого бил таинственный ядовито-зеленый свет, застывшими в разнообразных позах телами иссушенных людей и животных, чьи рты были раскрыты в немом крике. На вершине причудливого источника света застыла эбонито-чёрная семиконечная звезда.

Держало столь странный прибор за кольцо определённо некогда бывшее человеком существо. Одетое в серую потрепанную мантию оно не имело глаз, заменяя их беспросветными впадинами. Отсутствовал нос, а двое маленьких дыхательных путей, выставленных на обозрение, напоминали собой черту лица небезызвестного культового злодея саги мальчика со шрамом. Не было растительности, а кожа имело мертвенно-бледной и иссохшей будто бы как у многосотлетнего старика. Единственной чертой лица, что хотя бы немного напоминала человеческую был беззубый рот, слегка приоткрытый.

- Неведомый? – растерявшись от подобных метаморфоз, спросил Гарденер первое, что пришло ему в голову.

- Нет. – ответил Эдмунду неизвестный, в манере как раз таки присущей божеству.

- Тогда кто ты, если не он? – нахмурился Гарденер, оглядываясь вокруг.

Окружающая обстановка Пламенного поля ничем не отличалась от той, какой Гарденер запомнил. Однако, теперь не было даже намёка на присутствие здесь какого-либо живого существа. По идее лагерь Марвина Мага должен был располагаться от Эдмунда на расстоянии в сотню метров, но на том самом месте сейчас было пусто. Не было ни костра, ни намека на то, что там что-либо было. Только голый пустырь, как и всё, что касалось остального пейзажа. Явно не обошлось без божественного вмешательства.

- Проводник. – безэмоционально ответил неизвестный после чего зашагал в непонятном направлении, заставив Гарденера двигаться вместе с ним, поддерживая деревянный неспешный шаг таинственного существа.

- Проводник чего? – продолжал допытываться Эдмунд, чувствуя, как ему становиться не по себе от, практически механических, движений собеседника.

- Душ. – был дан ему лаконичный ответ.

- Понятно. – протянул Эдмунд, понимая, что кроме как четко отвечать на поставленные вопросы собеседник не собирался. – А Неведомый тогда кто? Разве не он занимается тем, что заведует душами? И где он вообще? – засыпал Гарденер вопросами существо, поровняв с ним шаг.

- Хозяин – это хозяин. Уводит мертвецов на тот свет. Сказал мне водить живых к мертвым. Вожу. Хозяину водить нельзя, не хочет. – отвечал неизвестный крайне скромно и без подробностей, но всё же зерно истины из его фраз извлечь было возможно.

- И как часто ты этим занимаешься? Водишь живых к мертвым? – спросил Гарденер, так до конца и не понимая куда они направляются. От атмосферы неизвестности ему было не по себе.

- Редко. Хозяин не любит, когда я вожу, но когда хозяин говорит, то вожу. – был дан Эдмунду абсолютно пространный ответ.

- А обратно дорогу знаешь? – как-то нервно уточнил Гарденер, смутно начиная понимать в какую авантюру он ввязался.

- Нет. Хозяин отведет. Не отведет – значит останешься. – после чего, произнеся столь тревожные для Гарденера слова, остановился. – Пришли. – утвердил проводник.

- Здесь же ничего нет. – констатировал Гарденер всё такую же картину пустого поля.

Однако, в этот раз существо не стало ничего говорить, а только запрокинуло руку с фонарём на самую высь, которую позволял ему достигнуть рост. Внезапно свечение причудливой лампы стало нарастать пока всё округу не затопил ядовито-зелёный цвет. Гарденер приготовился к худшему, прикрыв в очередной раз глаза.

Так видел внешность Неведомого Эдмунд в этой главе.

http://tl.rulate.ru/book/82574/2869571